

18+ *Рита
Вяземская*

ИЗМЕНА

Право на счастье!

Рита Вяземская

Измена. Право на счастье!

«Издательские решения»

Вяземская Р.

Измена. Право на счастье! / Р. Вяземская — «Издательские решения»,

Муж забрал у меня все: деньги, дом и наших детей. Он не учел только одного — я готова заключить сделку с его самым опасным врагом. Пока два лучших адвоката ведут войну друг с другом, я должна вернуть детей... и не влюбиться в мужчину, который пообещал уничтожить моего бывшего.

© Вяземская Р.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Измена. Право на счастье!

Рита Вяземская

© Рита Вяземская, 2026

ISBN 978-5-0070-8988-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Ключ мягко поворачивается в замке. Два щелчка.

Я толкаю тяжелую дубовую дверь и захожу в прихожую. Пакет с продуктами оттягивает руку. Тёма и Сеня сейчас на рисовании, у меня есть целых два часа тишины. Я планировала приготовить Вадиму его любимую лазанью к ужину. Он писал утром, что устал на судах и хочет провести вечер дома.

Снимаю туфли. Ставлю пакет на пуфик.

В доме тихо.

Делаю шаг вглубь коридора и останавливаюсь.

Воздух пахнет чужими духами. Сладкими. Приторными. Запах ванили и чего-то приторного резко бьет в нос. Я никогда не пользовалась такими ароматами. Вадим всегда просил меня покупать только легкие цитрусовые парфюмы.

Опускаю взгляд. Возле обувницы лежат красные туфли на высокой шпильке. Узкие, лаковые. Чужие.

Пальцы на руках холодеют.

Я делаю еще один шаг. В горле пересыхает. Дышать становится тяжело.

Из нашей спальни на втором этаже доносятся звуки. Приглушенный смех. Женский. Затем низкий голос Вадима.

Хватаюсь за перила лестницы. Дерево под ладонью холодное. Медленно поднимаюсь наверх. Ступенька за ступенькой.

Мое тело сопротивляется. Ноги становятся тяжелыми, неподъемными. Я заставляю себя двигаться.

Дверь в спальню приоткрыта. Полоска света падает на темный паркет коридора.

Я подхожу ближе. Толкаю дверь рукой. Она бесшумно распахивается шире.

На нашей широкой кровати лежат двое. Мой муж. И Светлана — его новая помощница. Девушка, которую он нанял всего месяц назад.

Они не сразу замечают меня. Светлана смеется, запрокинув голову. Вадим целует ее в шею, крепко удерживая за талию.

Я стою на пороге. Дыхание застревает в легких.

— Вадим, — произношу я.

Голос звучит хрипло. Тихо. Но в комнате он раздается резко.

Светлана вздрагивает. Она быстро натягивает на себя простыню, прикрывая грудь. Ее глаза расширяются от испуга. Она суетливо оглядывается по сторонам, ища свою одежду.

Вадим поворачивает голову.

Он смотрит на меня. В его взгляде нет ни капли вины. Ни страха. Ни сожаления. Он не вскакивает с кровати, не пытается оправдываться.

Мой муж просто садится. Спокойно поправляет сбившуюся подушку за спиной. Берет с тумбочки свои часы и надевает на запястье.

— Ты вернулась слишком рано, — говорит он ровным тоном.

Я смотрю на него. Человек, которого я знала с юности. Отец моих сыновей.

Сейчас он совершенно чужой.

Вадим неторопливо встает с кровати. Берет брошенные на кресло брюки. Одевается. Светлана жмет к спинке кровати, пряча глаза, и лихорадочно натягивает платье.

— Вадим... что ты делаешь? — спрашиваю я. Пальцы сводит судорогой.

Он застегивает ремень. Поднимает с пола рубашку.

— А сама не видишь? — отвечает он. Голос холодный, деловой. Так обсуждают покупку машины, а не разрушенную семью.

Я делаю шаг назад. Опираюсь спиной о дверной косяк, чтобы не упасть. Ноги отказываются держать.

— Как ты мог? Здесь... в нашем доме. В нашей постели.

Вадим усмехается. Он подходит к зеркалу, поправляет воротник рубашки. Тщательно застегивает пуговицы.

— Это мой дом, Алина. Давай обойдемся без истерик.

Я глотаю сухой воздух. Хочу закричать, но звук не выходит. Перед глазами плывет.

— Собирай вещи, Света, — бросает он помощнице, даже не глядя на нее. Затем поворачивается ко мне.

Его холодные голубые глаза смотрят прямо и безжалостно. В них нет ни капли той нежности, которую он показывал мне сегодня утром за завтраком.

— Я собирался поговорить с тобой вечером, — говорит он, застегивая пуговицы на манжетах. — Но так даже проще.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в кожу. Боль немного отрезвляет.

— О чем поговорить? — выдавливаю из себя.

Светлана торопливо хватается за сумочку и, опустив голову, проскальзывает мимо меня в коридор. Я отступаю на шаг, пропуская ее. Мой взгляд прикован к мужу.

Слышу, как Светлана быстро спускается по лестнице. Хлопает входная дверь.

Мы остаемся вдвоем.

Вадим подходит ближе. От него пахнет этими сладкими, удушливыми духами Светланы. Этот запах вызывает у меня тошноту.

— О нашем разводе, Алина. Я подал документы еще неделю назад.

Я обхватываю себя руками, пытаюсь унять крупную дрожь. В доме прохладно, но меня трясет отнюдь не от температуры. Меня трясет от понимания: этот человек методично и холодно перечеркивает нашу жизнь.

— Развод? — повторяю я непослушными губами.

— Именно, — Вадим берет свой пиджак со спинки стула. — Наш брак давно исчерпал себя. Ты слишком увлеклась детьми и домом. Мне нужна женщина, которая соответствует моему статусу. А не домохозяйка с вечно уставшим видом.

Я делаю судорожный вдох. Каждое его слово бьет наотмашь.

— Ты сам просил меня оставить работу. Ты говорил, что сыновьям нужна мать дома.

— Ситуация изменилась, Алина, — он раздраженно взмахивает рукой. — Я расту. Моя карьера идет вверх. А ты осталась на том же уровне.

Он проходит мимо меня в коридор. Я иду за ним на негнущихся ногах.

— Значит, Светлана теперь соответствует твоему статусу? — спрашиваю я.

Голос дрожит, но я заставляю себя говорить громче. Вадим останавливается у лестницы. Поворачивается ко мне. На его губах появляется снисходительная улыбка. Он обычно использует ее в суде при виде слабого противника.

— Светлана молода, амбициозна и перспективна и её не стыдно показывать приличным людям.

Мы спускаемся в гостиную.

Вадим идет впереди, уверенно чеканя шаг. Я следую за ним, держась за стену. Мой мир рушится с каждой секундой, а он ведет себя так, словно мы обсуждаем покупку новой мебели.

В гостиной светло. Огромные панорамные окна пропускают дневной свет. Вадим подходит к своему массивному дубовому столу в углу комнаты. Берет с него черную кожаную папку.

— Я подготовил документы, — говорит он, доставая несколько листов бумаги. Кладет их на край стола. — Ознакомься.

Я подхожу ближе. Ноги как ватные. Смотрю на листы с гербовыми печатями, но буквы сливаются в сплошное серое пятно.

— Что это? — спрашиваю, не в силах сфокусировать взгляд.

Вадим опирается руками о стол. Смотрит на меня сверху вниз.

— Это проект нашего соглашения о разводе. Дом остается мне — он был куплен до брака на деньги моей матери. Машина, на которой ты ездишь, оформлена на мою фирму, поэтому ключи оставишь сегодня.

Я поднимаю на него глаза. Внутри все замирает.

— Ключи? — переспрашиваю я.

— Да. Счета, к которым у тебя есть доступ, я заблокировал час назад.

Я чувствую, как пол уходит из-под ног. Он все продумал. Продумал каждую мелочь, пока улыбался мне за завтраком.

— Вадим... — начинаю я, но он меня перебивает.

— Не усложняй, Алина. Подпиши документы. Я выделю тебе небольшую сумму на первое время, чтобы ты могла снять квартиру.

Мое сердце колотится где-то в горле. Страх начинает вытеснять шок.

— А дети? — голос срывается. — Где будут жить Тёма и Сеня, пока я ищу квартиру?

Вадим медленно выпрямляется. Его лицо становится каменным. Водянистые глаза смотрят на меня с холодным расчетом.

— А вот об этом я и хотел с тобой поговорить, — произносит он тихим, ровным тоном. — Дети остаются со мной.

Я замираю. В комнате повисает оглушительная тишина.

— Что ты сказал? — шепчу я.

— Дети остаются со мной, — повторяет Вадим, четко артикулируя каждое слово. — В этом доме. Со мной и Светой.

Я делаю шаг назад. Отрицательно качаю головой.

— Нет. Нет, Вадим, ты не можешь. Это мои дети. Я воспитываю их каждый день. Ты их почти не видишь!

Вадим усмехается.

— Это мои сыновья, Алина. Мои наследники. И они будут расти в нормальных условиях. В нормальном доме.

— Я их мать! — кричу я, чувствуя, как паника захлестывает меня с головой. — Ты не заберешь у меня детей! Ни один суд не отдаст их тебе! Я не алкоголичка, не наркоманка!

Вадим делает шаг ко мне. Его лицо искажается от злости. Он хватается меня за локоть. Пальцы больно впиваются в кожу.

— Суд отдаст их мне, — цедит он сквозь зубы. — Ты безработная домохозяйка без жилья и без копейки за душой. А я — успешный адвокат с доходом, домом и связями.

Я пытаюсь вырваться, но он держит крепко.

— Отпусти! — шиплю я.

Он резко отпускает мою руку. Я пошатываюсь, но удерживаюсь на ногах.

— Ты их больше не увидишь, Алина, — произносит он ледяным тоном. — Если не подпишешь бумаги добровольно, я пущу в ход другие методы. И поверь, они тебе не понравятся.

Слезы обжигают глаза. Я смотрю на мужчину, с которым прожила столько лет, и не узнаю его. Это чудовище.

— Я буду бороться за них, — говорю я, сглатывая ком в горле. — Я найму адвоката. Я дойду до Верховного суда.

Вадим громко смеется. Смех звучит сухо и искусственно.

— Адвоката? На какие деньги? — он разводит руками. — И кто в этом городе пойдет против меня? Ты забыла, кто я?

Я сжимаю кулаки.

— Я найду способ. Ты не отберешь у меня Тёму и Сеню.

Вадим подходит к двери гостиной. Открывает ее.

— Вон из моего дома, — произносит он.

— Что?

— Вон, — повторяет Вадим. — Вещи я прикажу собрать и отправить тебе позже. Сейчас — пошла вон.

Я стою, не в силах поверить в происходящее.

— Вадим, на улице дождь. У меня нет денег даже на такси.

Он достает из кармана купюру в пятьсот рублей. Бросает ее на пол к моим ногам.

— На автобус хватит.

Глава 2

Я смотрю на брошенную купюру. Пятьсот рублей. Цена пятнадцати лет знакомства, семи лет брака и двух наших сыновей.

Мои пальцы дрожат. Я не наклоняюсь.

— Ты не посмеешь выставить меня вот так, — говорю я, пытаюсь унять дрожь в голосе. — Я никуда не уйду без Тёмы и Сени.

Вадим тяжело вздыхает, словно я — непонятливый клиент, тратящий его драгоценное время. Он возвращается к своему рабочему столу, открывает нижний ящик и достает плотную пластиковую папку. Бросает ее поверх документов о разводе.

— Я надеялся обойтись малой кровью, Алина, — произносит он с холодным раздражением. — Но ты сама вынуждаешь меня.

Он открывает папку и вытаскивает несколько листов с синими печатями.

— Что это? — спрашиваю я, делая осторожный шаг вперед.

Вадим разворачивает бумаги так, чтобы я могла видеть текст.

— Это, моя дорогая пока еще жена, решение суда о временном ограничении твоих родительских прав.

Слова доходят до меня не сразу. Смысл ускользает, словно я пытаюсь прочесть текст на незнакомом языке.

— Ограничении прав? — повторяю я эхом. — За что?

Вадим тычет ухоженным пальцем с идеальным маникюром в строчки на бумаге.

— На основании медицинского заключения. У тебя зафиксированы тяжелые приступы неконтролируемой агрессии, депрессивные эпизоды и склонность к причинению вреда себе и окружающим. Суд счел нахождение детей рядом с тобой опасным для их жизни и здоровья.

Я хватаю бумаги. Строчки пляшут перед глазами. Печать настоящая. Подпись судьи — тоже. В приложении — заключение психиатра из частной клиники. Диагнозы, которых у меня никогда не было. Симптомы, о которых я даже не слышала.

— Это ложь! — кричу я, комкая листы в руках. — Это абсолютная ложь! Я никогда не была у этого врача! Я никогда не вела себя агрессивно!

Вадим хладнокровно забирает у меня смятые бумаги и аккуратно расправляет их на столе.

— Документы говорят об обратном. Врач высшей категории подтвердил диагноз. Судья, рассмотрев материалы дела в экстренном порядке, вынес постановление. Все абсолютно законно.

Я задыхаюсь. Воздух в гостиной становится густым, липким.

— Ты купил их, — шепчу я, глядя в его равнодушные глаза. — Ты купил врача. Купил судью.

— Я защищаю своих сыновей от психически нестабильной матери, — парирует он заученной фразой. — Докажи обратное... Если сможешь.

Мои руки трясутся. Я бросаюсь к нему. Хватаю за лацканы дорогого пиджака.

— Отмени это! Сейчас же! Это мои дети! Ты не имеешь права!

Вадим брезгливо морщится. Он резко перехватывает мои запястья и силой отрывает от себя. Его хватка стальная, безжалостная. Он отталкивает меня. Я спотыкаюсь о край ковра и падаю на пол. Колено больно ударяется о жесткий пол.

— Ты только что подтвердила свой диагноз, Алина, — спокойно говорит он, поправляя пиджак. — Нападение на мужа. Склонность к истерикам.

Я сижу на полу. Слезы текут по щекам. Мой мир сжался до этого кабинета, до этих фальшивых бумаг. Он переиграл меня еще до того, как я узнала, что мы играем.

— Пожалуйста, Вадим, — всхлипываю я, поднимая на него глаза. Вся гордость исчезает, оставляя только голый, пульсирующий страх за сыновей. — Не делай этого. Умоляю тебя. Оставь мне мальчиков. Забирай дом, деньги, машину. Забирай всё. Только не Тёму и Сеню.

Он смотрит на меня сверху вниз. В его глазах мелькает удовлетворение. Ему нравится видеть меня сломленной.

— Дом и деньги и так мои, Алина, — произносит он с холодной усмешкой.

Вадим достает из кармана телефон. Нажимает кнопку быстрого вызова.

— Охрана. Поднимитесь в дом, в гостиную, — командует он.

— Нет! — я пытаюсь встать, но ноги не слушаются.

Дверь гостиной распахивается. Входят двое крепких мужчин в черных костюмах. Я знаю их. Это личная охрана Вадима. Они часто дежурили у ворот нашего дома.

— Выведите ее за территорию, — приказывает Вадим, указывая на меня. — Если будет сопротивляться — примените силу. И проследите, чтобы она больше не приближалась к дому.

Охранники подходят ко мне. Их лица ничего не выражают — они просто выполняют приказ.

— Пойдемте, Вера Петровна, — басит один из них, тот, что постарше. Он хватает меня за плечо.

— Отпустите! — я вырываюсь, отступая на шаг. — Я никуда не пойду!

Второй охранник заходит с другой стороны, перехватывает мою вторую руку. Они действуют слаженно, как бездушный механизм. Меня отрывают от пола.

— Вадим! — кричу я, пока меня волокут к выходу. — Ты не можешь так поступить!

Вадим даже не смотрит в мою сторону. Он отворачивается к окну, складывая руки за спиной.

Меня тащат через прихожую. Я брыкаюсь, пытаюсь упереться ногами в пол, но против двоих здоровых мужиков у меня нет шансов. Дверь распахивается.

В лицо ударяет ледяной ветер. На улице стеной льет дождь. Крупные, тяжелые капли мгновенно пропитывают мою тонкую блузку.

Охранники тащат меня по мокрой брусчатке двора. Я скольжу в своих домашних туфлях, спотыкаюсь.

— Отпустите меня! Умоляю! — плачу я, глядя на их непроницаемые лица.

Мы подходим к высоким кованым воротам. Младший охранник нажимает кнопку на пульте, створки бесшумно разъезжаются.

Меня выталкивают за территорию. Я не удерживаюсь на ногах и падаю коленями на мокрый асфальт. Ладони обдираются о мелкие камни.

Ворота с лязгом захлопываются за моей спиной. Замок щелкает.

Я остаюсь одна на улице.

Холодный дождь заливает глаза, смешиваясь со слезами. Я подползаю к решетке, хватаюсь за холодные металлические прутья.

— Пустите! — кричу я в пустоту двора. — Откройте!

Никто не отвечает. Только шум дождя и гул машин на далеком шоссе.

Я трясусь от холода. Зубы выбивают дробь. Тонкая ткань блузки прилипла к телу, не спасая от ветра.

Я смотрю на дом. На светящиеся окна гостиной, где только что рухнула моя жизнь. Там, в тепле и безопасности, остался человек, который методично уничтожил меня.

Внезапно в конце улицы появляются фары. К воротам подъезжает серебристый минивэн — машина, на которой наш водитель возит Тёму и Сеню на занятия.

Сердце делает кульбит. Мальчики!

Я бросаюсь к машине, когда она притормаживает перед воротами.

— Тёма! Сеня! — кричу я, колотя ладонями по тонированному стеклу.

Окно немного опускается. Я вижу испуганные лица своих сыновей.

— Мама! — кричит Тёма, его глаза полны слез. — Мамочка, почему ты на улице? Тебе же холодно!

Сеня тянет ручки к окну, плача в голос.

— Мама, иди к нам!

Я пытаюсь дотянуться до них, просунуть пальцы в щель окна.

— Мальчики мои, маленькие мои... — рыдаю я.

Водитель, пряча глаза, быстро поднимает стекло.

— Простите, Алина Николаевна, — глухо говорит он. — Приказ Вадима Сергеевича.

— Нет! Стой! — я бью кулаками по стеклу.

Ворота открываются. Минивэн плавно въезжает во двор. Я бегу за ним, пока створки не начинают закрываться. Пытаюсь проскользнуть внутрь, но охранник по ту сторону грубо отталкивает меня в грудь.

Ворота захлопываются окончательно.

Я стою под проливным дождем, вцепившись в кованые прутья. Сквозь шум ливня и стук крови в ушах я слышу, как в доме открывается дверь. Слышу, как плачут мои дети, зовя меня.

А потом тяжелая дубовая дверь закрывается, отрезая их голоса.

Я медленно сползаю по решетке вниз. Оседаю на мокрый асфальт. Холод проникает под кожу, замораживая мышцы, но внутренняя боль обжигает так сильно, что я не чувствую тела.

У меня нет денег. Нет телефона. Нет документов.

У меня нет детей.

Я поднимаю голову к темному, плачущему небу. Я не знаю, как пережить эту ночь. Не знаю, куда идти.

Но в этот момент, сидя в луже у закрытых ворот, я понимаю одно: я не сдамся.

Глава 3

Утро начинается с запаха крепкого кофе.

Моя подруга Ира ставит передо мной дымящуюся чашку. Я обхватываю ее ладонями. Тепло передается холодным пальцам.

Всю ночь я проплакала на ее диване. Ира пустила меня, напоила горячим чаем, дала выговориться.

Я смотрю на свое отражение в зеркале в прихожей. Подруга одолжила мне свой строгий темно-синий костюм и белую блузку. Вещи сидят чуть свободно, но это неважно. Главное — я выгляжу аккуратно. Волосы собраны в тугий узел. Темные круги под глазами я замазала консилером. Я не хочу быть похожей на жертву. Я мать, которая идет бороться за своих детей.

— Ты уверена, что справишься сама? — Ира с тревогой смотрит на меня. — Может, я пойду с тобой?

— Нет, — я делаю глоток. Кофе обжигает язык, но приводит мысли в порядок. — Я должна сама. Мне просто нужен адвокат.

Оставляю чашку на столе. Беру сумку. Выхожу на улицу.

Ветер резкий, холодный. Я иду в юридический центр. Он находится в двух кварталах отсюда.

Толкаю стеклянную дверь первого офиса. Внутри тепло. Пахнет кожей и бумагой. Девушка за ресепшеном вежливо улыбается.

— Доброе утро, — говорю я ровным голосом. — Мне срочно нужен адвокат по семейным делам.

— Минутку, — она снимает трубку телефона и тихо что-то говорит.

Через пару минут из кабинета выходит мужчина средних лет в строгом костюме. Он поправляет очки и подходит ко мне.

— Слушаю вас. Я адвокат Илья Васильевич Смирнов. В чем суть вашего дела?

Я начинаю говорить. Сбивчиво, торопливо, глотая слова. Рассказываю о поддельных справках, о том, как меня выставили на улицу.

Смирнов слушает внимательно, кивает.

— Понятно. Ситуация сложная, но поправимая. Мы можем подать встречный иск, запросить новую экспертизу. Как фамилия вашего мужа? Мы должны проверить, не было ли у него конфликта интересов с нашим бюро.

— Воронов, — говорю я, с надеждой глядя на адвоката. — Вадим Воронов.

Лицо Смирнова мгновенно меняется. Профессиональное участие сменяется холодным испугом. Он делает шаг назад, словно я внезапно стала заразной.

— Вадим Сергеевич Воронов? — переспрашивает он, и голос его заметно дрожит.

— Да.

Смирнов нервно поправляет галстук.

— Простите, — быстро говорит он, пряча глаза. — Мы не сможем взяться за ваше дело.

— Но почему? — я в отчаянии хватаю его за рукав. — Вы же только что сказали, что ситуация поправима!

Он аккуратно высвобождает руку.

— У нас... конфликт интересов. Да, именно так. Мы не можем выступать против господина Воронова. Всего доброго.

Он разворачивается и быстро уходит в свой кабинет, плотно закрывая дверь.

Я выхожу на улицу. Отчаяние тяжелым камнем ложится на грудь. Но я не сдаюсь.

Иду в следующий офис. Потом в другой. И еще в один.

Картина повторяется с пугающей точностью.

«Воронов? Простите, мы загружены».

«Мы не берем дела такого профиля».

«Вам лучше поискать кого-то другого».

В пятой по счету конторе пожилой адвокат, сжавившись над моим видом, тихо говорит:

— Девочка, не трать время. Никто в этом городе не пойдет против Вадима Воронова.

Он слишком влиятелен. У него связи везде — в судах, в полиции, в опеке. Взять твоё дело — значит поставить крест на своей карьере. Себе дороже.

— Но что мне делать? — в отчаянии спрашиваю я. Слез уже нет, осталась только саднящая пустота. — Он забрал моих детей. Я не могу просто сдаться.

Старик вздыхает, потирая переносицу.

— Тебе нужен кто-то, кто не боится Воронова. Кто-то, кто сам по себе сила. Но таких людей здесь нет.

Он замолкает, видимо, о чём-то думая. Затем бросает на меня быстрый взгляд и понижает голос:

— Хотя... есть один человек.

Я замираю, боясь спугнуть надежду.

— Кто?

— Роман Исаев, — произносит он это имя так, словно оно обжигает язык. — Глава «Исаев Групп». Он единственный, кто может размазать Воронова. Они давние враги.

— Где его найти? — быстро спрашиваю я.

— Бизнес-центр «Империя», верхний этаж. Но должен предупредить, что... Исаев человек очень жесткий, безжалостный. К нему идут, когда нужно уничтожить противника. И берет он за свои услуги астрономические суммы.

Я выхожу из офиса. Название бизнес-центра пульсирует в голове. Роман Исаев. Жесткий. Безжалостный. Враг моего мужа.

У меня нет астрономических сумм. У меня вообще ничего нет. Но у меня нет и выбора. Если Исаев — чудовище, то может быть... это чудовище защитит моих детей от Вадима.

Бизнес-центр «Империя» подавляет своими размерами. Огромная башня из стекла и бетона упирается в серое небо. Холодная, неприступная. Как и человек, к которому я иду.

Я стою перед вращающимися дверями и пытаюсь унять дрожь в руках.

Роман Исаев. Я слышала это имя раньше. Вадим произносил его сквозь зубы. Исаев — единственный, кого мой муж действительно боялся. Его главный профессиональный кошмар.

Делаю глубокий вдох. Расправляю плечи. Вспоминаю испуганные лица Тёмы и Сени в окне машины. Страх отступает, уступая место холодной решимости. Если Исаев чудовище, то пусть это чудовище разорвет Вадима на куски.

Прохожу через охрану. Называю имя. Меня пропускают без лишних вопросов — видимо, Исаев принимает посетителей.

Лифт бесшумно возносит меня на верхний этаж. Двери открываются в просторный холл. Паноманные окна, дорогой минимализм, кожа и металл.

За стойкой ресепшена сидит девушка с идеальной осанкой.

— Добрый день, — говорю я. Голос звучит ровно. — Мне нужно встретиться с Романом Исаевым.

Она поднимает взгляд.

— Вы по записи?

— Нет. У меня срочное дело.

Девушка профессионально улыбается, но в глазах мелькает равнодушие.

— Роман Александрович не принимает без записи. Оставьте свои контакты, мы свяжемся с вами.

— Я не уйду, пока не поговорю с ним, — произношу я твердо.

— Это невозможно. Пожалуйста, покиньте приемную, иначе я вызову охрану.

Я чувствую, как внутри все сжимается. Снова стена. Снова отказ. Но я не могу уйти. Я не отступлю.

— Скажите ему, что пришла Алина Воронова. Жена адвоката Вадима Воронова, — говорю я, глядя ей прямо в глаза.

Девушка замирает. Я вижу, как меняется выражение ее лица. Она быстро набирает короткий номер на телефоне. Говорит тихо, прикрывая трубку рукой.

— Проходите, — бросает она, указывая на массивную двустворчатую дверь.

Я иду по мягкому ковру. Сердце колотится где-то в горле. Толкаю тяжелую дверь.

Кабинет огромный. Светлый. Пахнет приятно. Дорогим парфюмом и крепким кофе.

За огромным столом из темного дерева стоит мужчина. Он стоит спиной ко мне, глядя в панорамное окно на город, расстилающийся внизу. Высокий. Широкоплечий. Идеально сидящий темный костюм подчеркивает его фигуру.

Он медленно поворачивается.

Серые, стальные глаза прошивают меня насквозь. В них нет ни тепла, ни эмоций. Только холодный, расчетливый интеллект. Лицо с резкими чертами, жесткая линия челюсти. От него веет опасностью.

Я чувствую, как пересыхает во рту.

— Алина Воронова, — произносит он. Голос низкий, чуть хриплый.

— Да, это я... — я заставляю себя сделать шаг вперед. — И мне... нужна ваша помощь.

Роман Исаев неспешно подходит к своему креслу, но не садится. Он опирается руками на спинку, внимательно разглядывая меня. Его взгляд задерживается на моем лице, затем медленно скользит по костюму, который сидит на мне не совсем идеально.

— И чем же я могу вам помочь?

— Мой... муж вчера выставил меня из дома, забрал детей и подал на развод. Только вы можете мне помочь...

— Я? — его голос звучит сухо, с легкой иронией. — Вы ошиблись адресом, Алина. Я не занимаюсь благотворительностью. И я не веду бракоразводные процессы для обиженных домохозяек. Для этого в городе полно других специалистов. С более... мягкими расценками.

Я стискиваю зубы так сильно, что начинают ныть челюсти. Делаю еще один шаг к его столу.

— Я пришла не за делёжкой имущества, — говорю я, заставляя свой голос звучать твердо, без дрожи. — И не за жалостью. Мне нужно вернуть моих сыновей. Вадим отобрал их у меня.

Исаев приподнимает одну бровь. В его глазах мелькает минутный интерес, но лицо остается бесстрастным.

— Ваш муж — успешный адвокат. Насколько я знаю, он сам прекрасно разбирается в семейном праве. Почему вы не решаете этот вопрос с ним?

— Потому что он... чудовище, — выплевываю я. — Он спланировал все заранее. Вчера я застала его в нашей спальне с другой женщиной. Он даже не пытался оправдываться. Просто протянул мне документы о разводе. А когда я отказалась подписывать, он показал мне постановление суда об ограничении моих родительских прав.

Роман не перебивает. Он медленно обходит стол и садится в свое кожаное кресло. Берет тяжелую серебряную ручку, начинает медленно крутить ее между пальцами. Этот жест выглядит гипнотически.

— Ограничение прав? На каком основании? — спрашивает он, не сводя с меня глаз.

— На основании поддельного медицинского заключения, — мой голос становится тише, но в нем появляется жесткость. — Он купил врача в частной клинике. Тот написал, что у меня тяжелая депрессия, приступы агрессии и я опасна для детей. Вадим через своего карман-

ного судью оформил решение в экстренном порядке. Меня силой вышвырнули из собственного дома. Без вещей, без денег. Он заблокировал все карты.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь унять колотящееся сердце.

— Я провела ночь у подруги. Утром обошла пять адвокатских контор. Пять, Роман Александрович! И знаете что?

Исаев молча крутит ручку. Ждёт.

— Стоило мне назвать фамилию мужа, как меня буквально выставляли за дверь. Все боятся Вадима. Все боятся его связей в судах и опеке. Один пожилой адвокат сжалился надо мной. Он сказал, что в этом городе есть только один человек, который не боится Воронова. Человек, который обладает достаточной силой и влиянием, чтобы раздавить его. Он назвал ваше имя.

Роман останавливает движение ручки. Кладет ее на стол. На его губах появляется едва заметная, холодная усмешка.

— Ваш старик-адвокат прав в одном. Я не боюсь Вадима. Но он ошибается в главном. Я не берусь за дела просто потому, что кто-то считает меня сильным. Мое время стоит дорого. Очень дорого. Чем вы собираетесь платить, Алина? У вас ведь, как вы сами сказали, нет ни копейки.

Я подхожу к самому краю стола. Опираюсь руками о темное дерево. Смотрю прямо в его стальные глаза.

— У меня нет денег сейчас, — признаю я. — Но я переводчик. Я знаю два языка. Я отработаю каждую копейку. Я буду переводить ваши документы, вести переговоры, делать все, что вы прикажете. Я подпишу любой контракт. Мне не нужна жалость, Роман. Мне нужно оружие против мужа. А вы — это оружие.

Он долго смотрит на меня. В кабинете повисает тяжелая тишина. Только слышно, как дождь снова начинает стучать по панорамному стеклу за его спиной.

— Оружие... — повторяет он негромко, словно пробует это слово на вкус. — Вы понимаете, что война с Вадимом будет грязной? Он не станет играть по правилам. Он попытается уничтожить вас окончательно.

— Мне нечего терять, кроме детей, — отвечаю я. — Я не боюсь грязи.

Исаев медленно откидывается на спинку кресла. Его взгляд становится оценивающим. Он словно взвешивает меня, проверяет на прочность.

— Ваш муж давно мешает мне в нескольких крупных проектах, — произносит он спокойно. — Он использует грязные методы, прикрываясь законом. Уничтожить его репутацию — заманчивая задача. Но мне нужна уверенность, что вы не сломаетесь на полпути. Что вы не побежите к нему мириться и прощать, когда станет действительно тяжело.

— Я никогда его не прощу, — твердо говорю я. — После того, как он выкинул меня из дома, а мои дети это видели и плакали за закрытыми воротами, он для меня мертв.

Роман кивает, словно фиксируя мое заявление.

— Хорошо. Я подумаю над вашим делом.

— Мне не нужно «подумаю»! — мой голос срывается, паника снова пытается прорваться наружу. — У меня нет времени. Каждый день, пока мальчики с ним и этой его... Светой, они страдают. Вадим внушает им, что я их бросила. Мне нужно ваше решение сейчас!

Я чувствую, как комната начинает медленно кружиться. Бессонная ночь, нервы, слезы, полное истощение сил — все это наваливается одновременно. Воздух становится горячим, липким. В ушах появляется тихий, нарастающий гул.

Пытаюсь сделать вдох, но легкие словно зажаты в тиски. Перед глазами плывут темные пятна.

— Алина? — голос Романа доносится откуда-то издалека, глухой и размытый.

Я хочу ответить, сказать, что все в порядке, но мои колени внезапно подкашиваются. Земля уходит из-под ног. Силы полностью покидают тело, и я начинаю падать в черную пустоту.

Последнее, что я успеваю почувствовать — как сильные руки подхватывают меня, не давая упасть на пол. Запах его дорогого парфюма с нотками табака и дерева становится последним, что я ощущаю перед тем, как окончательно потерять сознание.

Темнота.

Глава 4

Роман.

Ее тело оказывается слишком легким. Почти невесомым. Словно я держу в руках не взрослую женщину, а ребенка.

Я подхватываю её в воздухе за секунду до того, как ее голова встретится с острым углом моего стола. Пальцы впиваются в плотную ткань пиджака, который явно велик ей в плечах. Кожа сквозь тонкую блузку кажется ледяной. Она дрожит мелкой, непрекращающейся дрожью, даже находясь без сознания.

Переношу ее через кабинет и аккуратно укладываю на широкий кожаный диван. Ее голова безжизненно падает на подушку, обнажая бледную шею с часто бывшей, испуганной жилкой. Пульс быстрый, нитевидный. Предельное истощение.

Я делаю шаг назад, рассматривая ее. На безымянном пальце правой руки — отчетливый, свежий след от обручального кольца. Кожа там блее, чем на остальных пальцах. Она сорвала его совсем недавно. Или Вадим забрал его сам, чтобы показать, кто здесь хозяин. Это вполне в его мелочном стиле.

Нажимаю кнопку селектора на столе.

— Юля. Нашатырь, сухой плед и горячий сладкий чай в кабинет. Живо.

— Да, Роман Александрович, сейчас сделаю, — голос секретаря звучит испуганно. Она редко слышит в моих интонациях такую резкость.

Я возвращаюсь к дивану. Смотрю на Алину Воронову.

Жена Вадима. Скользкого, лощеного мерзавца, который за последние три года ухитрился обойти меня в двух крупных делах, используя свои грязные связи в городском суде и администрации. Он считает себя гением юриспруденции, но на самом деле он обычный падальщик, умеющий вовремя заносить конверты в нужные кабинеты. Я давно искал повод раздавить его. Чисто. Профессионально. Так, чтобы он больше никогда не смог поднять головы в этом городе.

И вот его жена лежит на моем диване, бледная, как смерть, без копейки денег, выброшенная им на улицу.

Дверь кабинета бесшумно открывается. Заходит Юля. Ее глаза округляются при виде женщины, но она работает со мной достаточно давно, чтобы знать: лишние вопросы в моем кабинете стоят карьеры. Она быстро ставит поднос с чаем на журнальный столик, накрывает Алину теплым шерстяным пледом и протягивает мне флакон с нашатырным спиртом.

— Свободна, Юля. И никого ко мне не впускать.

— Поняла, Роман Александрович.

Она так же бесшумно исчезает.

Я смачиваю ватный диск нашатырем и сажусь на край столика напротив Алины. Подношу вату к ее носу.

Она морщится почти сразу. Голова дергается в сторону, ресницы вздрагивают. Она делает резкий, судорожный вдох, закашливается и открывает глаза.

В ее взгляде сначала — полная пустота и непонимание. Затем возвращается понимание, а вместе с ним — паника. Она пытается резко подняться, но я кладу тяжелую ладонь ей на плечо, мягко, но твердо возвращая обратно на подушки.

— Лежите, — команду я. — Если сейчас встанете, снова рухнете. Мне не нужны лишние хлопоты.

Алина смотрит на меня, пытаясь сфокусировать зрение. Ее зрачки расширены, дыхание частое, прерывистое.

— Где я?.. — шепчет она. Голос совсем слабый, хриплый.

— Всё ещё в моем кабинете. Вы потеряли сознание. Обычный голодный обморок. Когда вы ели в последний раз?

Она отводит глаза, натягивая плед до самого подбородка, словно пытается отгородиться от меня.

— Вчера утром, — наконец тихо произносит она. — Перед тем, как все случилось. Я качаю головой. Негодование поднимается внутри, холодное и злое.

— Вы идиотка, Алина, — говорю я ровно, без крика, но жестко. — Собираетесь воевать с Вадимом, имея пустой желудок и нулевой баланс сил. Он уничтожит вас за один день, если вы будете падать в обморок от каждого шороха. Чтобы бороться, нужны силы. Пытаться выстоять на одной лишь гордости — глупость.

Она прикусывает губу. На ее бледных щеках проступает слабый румянец — то ли от стыда, то ли от злости на мои слова. Это хорошо. Злость возвращает жизнь быстрее любого нашатыря.

— Мне не нужны ваши нотации, — шепчет она, упрямо глядя на меня. — Мне нужно вернуть моих детей.

Я беру с подноса чашку с горячим чаем. Протягиваю ей.

— Пейте. Весь. Без остатка. Там много сахара. Вам глюкоза сейчас нужнее, чем принципы.

Она берет чашку дрожащими пальцами. Делает первый глоток, жмурится от горячей жидкости. Я наблюдаю за ней.

Она действительно не похожа на тех женщин, которых обычно выбирает Вадим. Те — яркие, шумные, пахнущие дорогими брендами и амбициями. Алина другая. Мягкая, естественная, и сейчас — абсолютно незащитная. Но в ее глазах, несмотря на слезы и бледность, есть упрямый, дикий огонек. Она пришла ко мне. К человеку, которого в этом городе называют безжалостным хищником. Пришла, потому что поняла: только хищник может остановить другого зверя.

Я возвращаюсь за свой рабочий стол. Сажусь, беру телефон и набираю номер своего помощника Дениса.

— Денис, подними все базы по Вадиму Воронову. Мне нужны все его текущие дела, счета компании, личные активы. И найди имя судьи, который подписал постановление об ограничении прав его жены. Через час все должно быть у меня на столе.

— Понял, Роман Александрович. Сделаю, — отвечает Дима и отключается.

Кладу телефон на стол. Алина уже допила чай. Она сидит на диване, укутавшись в плед, и внимательно следит за мной.

— Вы... беретесь за мое дело? — спрашивает она.

В ее голосе столько надежды и страха, что мне становится не по себе. Она ждет моего ответа, как приговора.

Я смотрю на нее, взвешивая все риски.

Вадим Воронов — мой давний соперник. Он переходил мне дорогу слишком часто, используя грязные методы. Но дело не только в профессиональной мести. Я вижу, как этот мерзавец пытается растоптать женщину, которая безусловно верила ему, любила, родила от него детей. И это вызывает во мне злость. Я не люблю несправедливость, особенно когда ее совершают люди, прикрывающиеся законом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.